

В целом В. И. Даль в повести «Бикей и Мауляна» на основе реальных событий убийства Бикейя, зафиксированных в документах, сделал попытку проследить картину жизни кочевников, их культуры и быта. Автор сопровождает сюжет подробными характеристиками места, явлений из жизни народа, участников событий, авторскими пояснениями и указаниями, необходимыми для русского читателя, не имевшего достаточной информации о казахах. Через описание быта казаха Даль объясняет его мировосприятие и отношение к жизни, которые кажутся экзотикой для русского и европейского читателя. Он сумел понять внутреннее состояние народа как этноса, его дух через его культуру, и все это было проделано писателем в период, когда в мировой европейской науке и литературе существовал статичный образ кочевника как «варвара» или же миф о Востоке как об экзотике. Писателю удалось запечатлеть широкую панораму жизни зауральской степи 1830-х гг., демонстрируя читателю самобытность местного народа, возникшую под влиянием сложившегося жизненного уклада.

Источники и литература

1. Бекмаханов Е. Б. Казахстан в 20–40 годы XIX века. Алма-Ата: Казак университеті, 1992. 399 с.
2. Благова Г. Ф. Владимир Даль и его последователь в тюркологии Лазарь Будагов // Вопросы языкознания. 2001. № 3. С. 22–39.
3. Даль В. И. Бикей и Мауляна // Даль В.И. Оренбургский край в художественных произведениях писателя. Оренбург: Оренбургское. кн. изд-во, 2001. 163 с.
4. Умарова Г. С. В. И. Даль: мир казахского этноса в документально-научных и художественных текстах. Уральск: РИЦ ЗКГУ им. М. Утемисова, 2012. 305 с.
5. «Тұған өлке». Историко-краеведческий и архивный журнал. URL: <http://www.tugan-olke.kz/index.php?id=15>.

© Ботаева З.Ф., 2017

УДК 37.013(47):303.446.4

РОЛЬ «ТЕОРИИ ОФИЦИАЛЬНОЙ НАРОДНОСТИ» В РАЗВИТИИ ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

О. Э. Медведева

Студент

Уральский государственный педагогический университет,
пр. Космонавтов, 26, 620017, г. Екатеринбург, Российская Федерация,
эл. почта: 70396@mail.ru

В статье проанализирована современная историография роли «теории официальной народности» на развитие образования в России. Автором обозначена основная задача образования данного периода, поставленная С. С. Уваровым, установлен уровень ее изучения на советском этапе. Также выведены основные образовательные компоненты, проведён их анализ в современных исторических исследованиях.

Ключевые слова: теория официальной народности, история образования, историография.

O. E. Medvedeva

THE ROLE OF THE "THE TRIAD" OF OFFICIAL NATIONALITY IN THE DEVELOPMENT OF EDUCATION IN RUSSIA IN MODERN HISTORIOGRAPHY

Ural State Pedagogical University,
pr. Kosmonavtov, 26, 620017, Yekaterinburg, Russian Federation,
e-mail: 70396@mail.ru

In the article modern historiography about the role of the "The Triad" of Official Nationality in the development of education in Russia is analysed. The author poses the main purpose of education of that period, which is set by S. S. Uvarov, and the level of study of this at the Soviet historical science. Also designates the main educational components, these components are analysed according in actual historical researchers was considered.

Keywords: "The Triad" of Official Nationality, history of education, historiography.

1830-е гг. – время провозглашения новой идеологической доктрины, постулатами которой стала триада «Православие, самодержавие, народность» С. С. Уварова. «Общая наша обязанность состоит в том, чтобы народное образование совершалось в соединенном духе Православия, Самодержавия и Народности» [6, с. 82], – писал новый министр народного просвещения С. С. Уваров. Именно на образование доктрина подействовала в первую очередь, так как «постепенно завладевши умами юношества, привести оное почти нечувствительно к той точке, где слиться должны, к разрешению одной из труднейших задач времени, образование, правильное, основательное, необходимое в нашем веке, с глубоким убеждением и теплою верой в истинно русские охранительные начала православия, самодержавия и народности, составляющие последний якорь нашего спасения и вернейший залог силы и величия нашего отечества» [6, с. 82–83].

На современном этапе развития исторической науки актуализация вопроса о реформах в сфере образования поставила на повестку дня необходимость обращения к анализу опыта школы дореволюционной России, в частности времен провозглашения теории официальной народности. Также этот процесс обусловлен тем, что в СССР исследования по данной тематике практически не велись. Единичные исследования в этой области, в большинстве своем, приходили лишь к одному выводу – образование того времени было лишь «каналом» воли самодержца, пропаганды теории официальной народности [7, с. 11].

Стоит сказать, что пока что яркой дифференциации мнений о влиянии теории официальной народности на образование у исследователей нет. Даже так называемые «восстановители» баланса в пользу Николая [12, с. 110], все равно находят в его образовательной системе, как плюсы, так и минусы. Другой вопрос в том, на что обращают больше всего внимания и как видят исследователи отдельные компоненты образования того периода.

Так, большой интерес у ученых вызывают «инспекции» самодержца по учебным заведениям. Циркуляр, датированный 27 мая 1833 г., содержал указания, на что должны обращать внимание попечители и их помощники в ходе инспекции вверенных им учебных округов. О таких проверках пишут Н. В. Рязановский, М. М. Шевченко, Н. Н. Зиппуникова и другие. Последняя, например, отмечает некую абсурдность данных проверок в том, что среди инструкций по нравственной части содержалась обязанность проверки учебных книгохранилищ, чтоб не было в них книг, «противных Вере, Правительству и нравственности» [4, с. 12]. О ненужности данных проверок писал американский историк Н. В. Рязановский: «Посещения общественных образовательных учреждений – это только быстрые туры, где только внешний вид и опрятность могут быть оценены. Одним словом, страна не получает никакого преимущества от них. Никто, по крайней мере, в образованных классах, не видит в этом ничто кроме потребности в непрерывном отвлечении» [13, р. 115]. В частности, они могли принимать и жестокий характер. Например, простое облакачивание на руку во время урока расценивалось как нарушение дисциплины, отдавался приказ наказать ученика и уволить преподавателя, допустившего это. Все школы боялись этих инспекций, и вместо того, чтобы учить детей, они целый год готовились к приезду суверена [13, р. 119].

М. М. Шевченко добавляет к этому, что Николай не только наказывал воспитанников и начальство, допустившие какую-либо поблажку, но «и при всем этом он совершенно не интересовался знаниями воспитанников, их учебными успехами: никто из современников ни одного подобного случая не запомнил». «Мне не нужно ученых голов, мне нужны верноподанные», – эта фраза в различных редакциях обыкновенно звучала ответом ходатаям из числа педагогов, профессоров, администрации [11, с. 95]. Но не только Николай I проводил инспекции. На проверки также ездил и сам С. С. Уваров, и, по мнению А. Л. Зорина, они совершались не только для порицания. Так, например, в одном из отчетов С. С. Уварова было обозначено следующее: «Нужно бороться против влияния европейских людей не с помощью репрессий, но внушая юношеству другие понятия, которые направили бы энергию умов молодого поколения в русло, нужно правительству» [5, с. 371].

Понятно, что преподавание в учебных заведениях велось только в нужном государству направлении. Ц. Х. Виттекер приводит мнение С. С. Уварова на этот счет: «Только прави-

тельство имеет все средства и высоту успехов всемирного образования, и настоящие нужды отечества» [1, с. 115]. Контролировалось все: язык, учебники, домашнее задание, национальность. Подробный анализ учебников того времени проводит Т. А. Володина. На учебники истории, к примеру, был объявлен конкурс на лучший, который сочетал бы в себе все принципы новой доктрины, а также пропускавший «щекотливые» темы, такие как: «перевороты, которые ниспровергли систему средних веков и открыли новую историю Европы»; крестовые походы и папская власть; и особенно Реформация, ибо «свобода рассуждать о предметах веры, на коей основан протестантизм, противна нашему порядку вещей» [2, с. 118].

Много работ историков посвящено национализации страны, в частности школы. «Язык в стране признавался только русский, другие языки запрещены не были, но их использование влекло за собой определенные последствия. Другие национальности, а в особенности, эсты, ливы, были обязаны пройти русификацию» [13, р. 89–90]. Об этом же пишет и Р. С. Уортман: «История, право, филология учились только на русском материале и требовали подчас особой деликатности: иначе результат оказался бы противоположен желаемому» [10, с. 496]. В. А. Сендеров упоминает даже некие комичные ситуации на этот счет. В Санкт-Петербургском университете на экзамене по истории отличный студент неожиданно отказался отвечать билет. «Вы не знаете вопроса?» – удивился профессор. «Знаю. Но я поляк. А билет о присоединении Польши». – «Тогда возьмите другой билет», – спокойно сказал экзаменатор. Студент взял новый билет и, к восторгу всей студенческой массы, получил за ответ высший балл [8, с. 116–117].

Серьезный контроль велся не только за дисциплиной и преподаванием, но и за самими учебными заведениями. Уваров считал, что государственная школа должна стать преобладающей в образовании, вытесняя домашнее обучение и частные школы, особенно зарубежные. В результате были запрещены иностранные частные пансионы в обеих столицах, в других городах они разрешались только в случае недостатка публичных школ, а также с условием, что содержать их будут русские [2, с. 12–13].

Но не все было только в отрицательном ключе. Некоторые историки видят и положительные моменты в образовательной политике того времени. Тот же Н. В. Рязановский указывает, что, например, в инспекциях, описанных ранее, за особое проявление любви к родине и императору могли похвалить, или даже назначить высокую стипендию [13, р. 119–120]. Так Отделению русского языка и словесности специальным рескриптом на имя Уварова было выражено благоволение за поднесенный четырехтомный «Словарь церковно-славянского и русского языка», опубликованный в 1847 г. [11, с. 113]. Поощрение исследований в области русской истории не было единственным предложением «позитивного» характера, которое выдвинул С. С. Уваров [5, с. 372]. С 1828 по 1848 г. в стране были открыты Технологический институт, Высшее техническое училище в Москве, Училище правоведения и другие новые учебные заведения [9, с. 381]. «Император ориентировался на лучшие мировые образцы и не скупился на затраты, когда был убежден в их реальной пользе», – добавляет А. В. Завражин [3, с. 61]. Публичные лекции, новые учебные курсы и программы на всех образовательных уровнях, отправка учащихся за границу – характерные черты деятельности С. С. Уварова, по мнению Ц. Х. Виттекера [1, с. 118]. Не стоит забывать и о бюджете, выделяемом на образование, с момента вступления С. С. Уварова на должность министра, он резко был увеличен [1, с. 152].

Таким образом, современные историки отходят от советских убеждений, видят в проводимой образовательной политике Николая I не только отрицательные, но и положительные моменты. Хотя для многих просвещение в годы теории официальной народности так и останется прекрасным, но обманчивым мифом [9, с. 381].

Источники и литература

1. Виттекер Ц. Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб.: Академический проект, 1999. 350 с.
2. Володина Т. А. Уваровская триада и учебники по русской истории // Вопросы истории. 2004. № 2. С. 117–128.

3. Завражин А. В. «Теория официальной народности» и реорганизация системы образования в России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2009. № 1. С. 54–62.
4. Зипунникова Н. Н. Идеологема «самодержавие–православие–народность» в политике государства в сфере образования // Вестник Пермского Университета. Юридические науки. 2010. № 4. С. 7–16.
5. Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX в. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 416 с.
6. Лемке М. К. Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. СПб., 1909. 626 с.
7. Окунь С.Б. Основание Санкт-Петербургского университета и начальный период его деятельности // История Ленинградского университета. Л.: Наука, 1969. С. 11–62.
8. Сендеров В.А. Православие. Самодержавие. Народность. Европейский проект для России // Вопросы философии. 2013. № 10. С. 116–123.
9. Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. М.: РОССПЭН, 2016. Т. 2. 429 с.
10. Уортман Р. С. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии. М., 2004. Т. 1. 605 с.
11. Шевченко М.М. Конец одного Величия: Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М.: Три квадрата, 2003. 268 с.
12. Янов А. Л. Россия и Европа: 1462–1921. М., 2007. Т. 2. 502 с.
13. Riasanovsky V. Nicolas I and Official Nationality in Russia, 1825–1855. Berkeley and Los Angeles, 1959. 296 p.

© Медведева О.Э., 2017

УДК 355.134(47):94(574)

НАГРАДЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КАЗАХСТАНЕ В XIX в.

С. У. Садвакасова

Магистрант

Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева,
ул. К. Мунайтпасова, 5, 010000, г. Астана, Республика Казахстан,
эл. почта: mad-salta@mail.ru

В статье автор анализирует виды поощрений, которыми удостоились казахи в XIX в. Статья дает информацию о наградах в Казахстане, подтверждением являются краткие биографические очерки кавалеров. Наградная система в Казахстане являлась многоуровневой, где для отличившихся имелись разные формы поощрения за службу.

Ключевые слова: наградная система, ордена, медали, нумизматика.

S. U. Sadvakasova

AWARDS OF THE RUSSIAN EMPIRE IN KAZAKHSTAN IN THE XIX CENTURY

Undergraduate of department of history of Kazakhstan

The Euroasian national university of L. N. Gumilev,
str. Munaytpasova, 5, 010000, Astana, Republic of Kazakhstan,
e-mail: mad-salta@mail.ru

In the article the author analyzes types of encouragement with which Kazakhs in the XIX century received. Article gives information about existence of awards in Kazakhstan, confirmation are short biographic sketches of gentlemen. The prize system in Kazakhstan was multilevel where different forms of encouragement for service were.

Key words: award system, orders, medals, numismatics

Особое время для наградной системы Российской империи в Казахстане представляет XIX век. Для того чтобы избежать прямого административного давления Российское правительство использовало различные формы как приемы, переписка, награждение ценными подарками, денежными знаками, орденами, медалями и чинами.